

Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 64, № 2. С. 14–29.
Scientific Journal of the Far Eastern State Technical Fisheries University. 2023. Vol. 64, no 2. P. 14–29.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ:
XVII – НАЧАЛО XXI ВВ.

Научная статья

УДК 338.45:639.2

DOI: <https://doi.org/10.48612/dalrybvtuz/2023-64-02>

**Рыбный промысел на Сахалине в 1855–1904 гг.:
деятельность японских и российских предпринимателей**

Наталья Владимировна Потапова

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

napotapova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-5658-9243

Аннотация. Рассматривается история деятельности российских и японских предпринимателей-рыбопромышленников на Сахалине в период совместной эксплуатации рыбных ресурсов по условиям Симодского договора 1855 г., объявившего остров неразделенной территорией, Санкт-Петербургского договора 1875, согласно которому весь Сахалин перешёл во владение России, вплоть до 1904 г., когда с началом русско-японской войны деятельность японских и российских рыбопромышленников на Сахалине приостановилась. Сопоставляется роль японского и отечественного предпринимательства, отмечаются трудности и особенности в развитии российской рыбной промышленности на острове во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: рыбная промышленность, предприниматель, Дальний Восток, Российская империя, Сахалин, Япония, Я.Л. Семёнов, тук

Для цитирования: Потапова Н.В. Рыбный промысел на Сахалине в 1855–1904 гг.:

деятельность японских и российских предпринимателей // Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 64, № 2. С. 14–29.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE FISHERY INDUSTRY IN RUSSIA:
XVII – EARLY XXI CENTURIES

Original article

DOI: <https://doi.org/10.48612/dalrybvtuz/2023-64-02>

**Fishing industry on Sakhalin in 1855–1904:
activities of Japanese and Russian entrepreneurs**

Natalya V. Potapova

Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia

napotapova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-5658-9243

Abstract. The article discusses the history of the activities of Russian and Japanese fishery entrepreneurs on Sakhalin during the period of joint exploitation of fish resources under the terms of the Shimoda Treaty of 1855, which declared the island an undivided territory, the St. Petersburg Treaty of 1875, which transferred all of Sakhalin to Russia, from the start of the Russo-Japanese War, when activities of Japanese and Russian fishermen on Sakhalin was stopped. The role of Japanese and domestic entrepreneurship is compared, difficulties and specifics in the development of the Russian fishing industry on the island in the second half of the 19th and early 20th centuries are noted.

Keywords: fishing industry, entrepreneur, Far East, Russian Empire, Sakhalin, Japan, Ya. L. Semyonov, fat

For citation: Potapova N.V. Fishing industry on Sakhalin in 1855-1904: activities of Japanese and Russian entrepreneurs. *Scientific Journal of the Far Eastern State Technical Fisheries University*. 2023;64(2):14–29. (in Russ.).

Введение

Изучение истории рыбной отрасли в островном регионе имеет несомненную актуальность, позволяя извлекать уроки из исторического опыта отечественной предпринимательской деятельности, государственной политики, российско-японских отношений по вопросам регулирования деятельности иностранцев в деле добычи и переработки рыбных и морских ресурсов. Научная актуальность исследования связана с недостаточным вниманием современной историографии к изучаемой теме. Исследования, затрагивающие исторические аспекты развития рыбной отрасли на Дальнем Востоке России, в частности, на Сахалине, появляются в начале XX в., для современных историков они объединяют в себе научную, историографическую ценность и одновременно являются источниками информации по теме, содержат уникальные статистические данные, личные впечатления авторов и т.п. [3, 4, 6, 13, 17, 22, 27]. В советский период в контексте исследования процесса освоения русскими людьми Дальнего Востока этот вопрос затрагивался в трудах А.И. Алексеева и Б.Н. Морозова в 1980-е гг. [1, 2], в региональной историографии одним из первых в общей работе, посвящённой истории освоения русскими людьми Сахалина проблему историю рыбной отрасли поставил А.И. Костанов в 1991 г. [12] Наиболее масштабные исследования в данном направлении были проведены в 1990-е гг. А.Т. Мандриком, защитившим докторскую диссертацию и выпустившим монографию по истории рыбной промышленности российского Дальнего Востока, в которых определённое место занимала и «сахалинская» тема в указанных хронологических рамках [15, 16]. В начале XXI в. достаточно много внимания рыбной промышленности Сахалина было уделено в диссертации и статьях ученика А.Т. Мандрика А.В. Трехсвятского, рассматривавшего этот вопрос через историю русско-японских отношений в XIX в. [23, 24] Некоторым обобщением по истории рыбной промышленности острова можно считать издание учебного пособия по истории экономики Сахалинской области под редакцией Бок Зи Коу и М.С. Высокова в 2003 г. [29]. Определённый вклад в исследование темы на современном этапе вносят историки, занимающиеся жизнеописанием отдельных рыбопромышленников [5, 10, 14, 25]. В целом на сегодняшний день история рыбной отрасли на Сахалине ещё ждёт своих исследователей. Целью настоящей статьи является общий обзор истории рыбной промышленности на Сахалине в 1855–1904 гг., когда велось совместное освоение рыбных ресурсов японскими и российскими предпринимателями, выявление его основных этапов и их специфики. Объектом исследования является экономическая история Дальнего Востока. Предметом исследования стала предпринимательская деятельность в сфере добычи и переработки рыбных ресурсов на Сахалине в период между Симодским договором 1855 г. и началом русско-японской войны (1904 г.). В основе исследования лежат исто-

ризм, системность и объективность, методологической основой стала мирсистемная теория, на основе которой экономическое развитие Дальнего Востока России и Японии рассматриваются как периферийные, включающиеся постепенно в развивающуюся мировую систему капитализма. При изучении темы использованы специальные методы исторического исследования: историко-генетический и историко-сравнительный.

Рыбный промысел на Сахалине в период «неразделённого состояния» в 1855–1875 гг.

На начальном этапе пограничного урегулирования на островах между Российской и Японской империями в соответствии с условиями Симодского договора 1855 г. Сахалин оставался неразделённой территорией. Обе империи понимали неизбежность дальнейшего пограничного урегулирования и стремились закрепиться на острове. Морской промысел был основным видом деятельности и источником существования коренных жителей острова, к моменту прихода на Сахалин русских людей промышленной добычей и переработкой рыбы на острове занимались исключительно японцы. Российская империя избрала каторжный способ колонизации, Япония же, в период реформ Мейдзи сделавшая выбор в пользу включения в мировую экономическую систему капитализма, продолжила активную эксплуатацию рыбных богатств острова. Положения Симодского договора давали основание Японии продолжать развивать своё рыболовство на Сахалине

В период между 1855 и 1875 гг. добычей рыбы и морепродуктов здесь занимались в основном японцы. Основываясь на 2-й статье Симодского договора, сегунат предоставлял князьям право рыбной ловли по берегам острова «с условием защиты их». Эта система была характерна для феодальной Японии. Колонизационное бюро Японской империи в этот период предприняло усилия по организации на Сахалине казённых рыбалок. На должность главного управляющего ими в 1870 г. был назначен Ямада Сахэй. Деятельность казённых рыбалок имела не столько экономическое, сколько политическое значение – удержание контроля над айньским населением и сохранение стратегических позиций на острове, при этом коммерческая выгода предприятий оказалась на втором плане. Так, в казённую рыбалку Западный Сирароро за 1870–1871 гг. было вложено 5 тыс. 187 иен, а прибыли получено 2 тыс. 298 иен, убыток составил 2 тыс. 889 иен. В казённую рыбалку Сакаэхама за 1870–1872 гг. было вложено 10 тыс. 204 иены, получено прибыли 5 тыс. 86 иен, убыток составил 5 тыс. 118 иен. Общая сумма убытков казённых рыбалок на Сахалине в эти годы составила 20 тыс. 242 иены [23, с. 36].

После начала реформ Мэйдзи с включением экономики Японии в мировую капиталистическую систему расширяется и приобретает современные характеристики деятельность частных предпринимателей на рыбных промыслах Сахалина. На смену феодалам пришли купцы-промышленники, промыслы быстро обрели черты промышленного капиталистического производства. Лидерами в рыбной промышленности острова стали два торгово-промышленных дома – Датэ и Сухара. Эффективность частной капиталистической эксплуатации рыбных ресурсов была гораздо выше, чем государственных рыбалок. В первые годы Мэйдзи японские частные рыбопромышленники, имевшие промыслы на Сахалине, вложили в них 617 тыс. 595 иен, расходы составили 209 тыс. 927 иен [23, с. 36].

Главным объектом японского промысла была сельдь, из которой приготавливали тук, отправляемый в Японию для использования в качестве удобрения на поля, и рыбий жир [12, с. 117]. В 1871 г. на юге Сахалина японцы имели 540 сельдеварочных котлов, дававших около 300 тыс. руб. дохода. Добывались также лососевые и треска, которые в солёном виде вывозились в Японию на сумму 60–70 тыс. руб. в год. Только в 1872 г. в Японию было вывезено 10 тыс. 587 коку (около 150 кг) сельдяного тука на 25 тыс. 257 иен, жира сельди 2 тыс. 26 коку на 615 иен, 5 тыс. 311 коку солёной горбуши на 13 тыс. 946 иен, а также солёной кеты – 710 коку на 2 тыс. 341 иену. Всего же рыбной и морепродукции было вывезено 17 тыс. 718 коку на 44 тыс. 180 иен [23, с. 37–38].

Описание приёмов лова и переработки японцами сельди в тук оставил начальник Сахалинского отряда Ф.М. Депрерадович. По его словам, сельдь подходила к берегам в 20-х числах апреля и вторично в середине мая; для её ловли использовали невод длиной до 250 сажен с пристёгивающейся к нему мотней: «Самый невод после каждой тони на берег не вытаскивается, но от него отстёгивается только наполнившаяся селёдкой мотня и немедленно же для следующей тони пристёгивается новая. Мотня же, наполненная рыбой, удерживается на якоре при большом деревянном поплавке». Депрерадович высоко оценил уровень мастерства японских рыбаков, отмечая, что «по ловкости в рыболовстве японцы стоят, может быть, гораздо выше европейцев» [8, с. 42–43].

Один из японских сельдеварочных заводов в заливе Анива в описании Ф.М. Депрерадовича выглядел так: «Прибрежье местности, предназначенное под завод, совершенно плотно утрамбовывается, затем во всю длину прибрежья выкапываются квадратные ямы... в ямах же устраиваются каменные печи, в которые вмазываются чугунные котлы емкостью до 15 ведер; число таких печей на больших заводах... доходит иногда до 90... самое производство состоит в следующем: в котлы... накладывается селёдка, здесь вываривается, а затем переваливается в находящийся по соседству деревянный ящик и, с помощью ворота, прессуется; селёдочный жир стекает... в общий деревянный резервуар. Рыбные остатки, сбитые после прессовки почти в кубическую форму, вываливаются на соломенные циновки, разбивают... Просушивают на солнце, затем упаковывают в кули и отправляют в Японию для удобрения рисовых плантаций» [8, с. 43]. Вслед за сельдью в начале июня начинался ход горбуши. Как отмечал Депрерадович, «горбуша идёт у японцев на посолку и отправляется в этом виде в Японию. Посолка производится у них точно так же, как и у нас» [8, с. 43, 44, 47].

О масштабах японского рыболовства свидетельствует количество рыболовных судов, обслуживавших промыслы. По подсчетам А.В. Трехсвятского на восточном побережье было 182 японских судна, на западном – 111. Общее количество казённых рыболовных судов в годы Мэйдзи на Сахалине было равно 311. Не ясно входили ли в общее количество маломерные суда прибрежного флота (кунгасы и прочее) или только рыболовецкие и грузовые шхуны, приходившие на путину из Японии [23, с. 36].

Наряду с сезонными японскими рабочими на промыслах работали айны, подвергавшиеся беспощадной эксплуатации. По данным Депрерадовича, в конце 1860-х гг. на японцев работало до 800 айнов. Годовой заработок взрослого работника составлял 25–27 руб., женщины – вдвое меньше, а подростки «довольствовались одним содержанием». Оплата была натуральной: рисом, платьем, сакэ и т.п. [12, с. 118].

В условиях неразделённого состояния острова эксплуатация рыбных ресурсов также являлась совместной. Депрерадович писал в 1869 г. в официальном письме одному из японских чиновников: «В производстве рыбных промыслов я Вас стеснять не могу и не буду, но и вы со своей стороны должны помнить, что речки открыты для общего пользования русских, айно и японцев» [23, с. 38].

Уже с самого начала заселения острова русскими людьми рыба стала одним из основных продуктов их питания. Русские военные посты полностью зависели от подвоза продовольствия из Николаевска и зачастую испытывали его нехватку, поэтому заготовленная на зиму солёная рыба была для солдат одной из важных составляющих рациона и залогом выживания в суровых условиях сахалинской зимы. Столь же важную роль играла рыба в рационе сахалинцев во времена каторги. Рыболовством занималось большинство русского населения острова. Рыба в основном ловилась для собственного потребления. Сахалинский рынок сбыта был весьма ограничен. Самым главным потребителем рыбы на Сахалине была тюрьма. Однако администрация каторги предпочитала закупать рыбу для своих нужд не у местного населения, а в Николаевске [29, с. 34–35].

В процессе эксплуатации рыбных богатств острова возникали конфликты между российской и японской сторонами, так как японцы во время хода лососевых перегородивали устье

рек сетями, и рыба не поднималась на нерест вверх по реке. К числу подобных конфликтов относится и конфликт по поводу рыбного промысла на реке Найба, протекающей по Такоиской долине. Чтобы дать возможность крестьянским переселенцам сделать запас рыбы на зиму, местные российские власти в 1871 г. обратились с просьбой к японской стороне о снятии японских неводов в устье в ночное время или на несколько дней во время хода рыбы; аналогичный вопрос возник и в следующем году, но стороны так и не смогли прийти к соглашению о сроках установки неводов [23, с. 38]. В 1873 г., в период бурного обсуждения в японских и российских правящих кругах перспектив дальнейшего пограничного урегулирования на островах, на японском сельдеварочном заводе в Хаккотомари произошел пожар, в котором обвинили русских, так как до этого они требовали убрать этот завод в другое место, так как он не только мешал обзору, но и «они не могли вынести зловония, возникающего при вываривании сельди, поэтому стремились таким образом избавиться от неприятного соседства» [23, с. 38].

Японская рыбопромышленность на российском Сахалине в 1875–1904 гг.

После заключения Петербургского трактата в 1875 г. весь Сахалин был включён в состав Российской империи, но совместная эксплуатация рыбных богатств острова продолжалась, каждый год более тысячи японцев посещали остров, добывали рыбу и экспортировали морскую продукцию в Японию. Специфические экономические и политические условия формировали экономику Сахалина, будучи в составе Российской империи остров находился под влиянием рынка морепродуктов Японии, экономика острова была связана и с Китаем через торговлю с ним морской капустой. Рыба и морская капуста способствовали включению сахалинской экономики в международный рынок [10, с. 42].

Деятельность первых российских предпринимателей после 1875 г. на острове, наряду с нехваткой капиталов, огромными расстояниями от рынков сбыта, логистическими проблемами, нехваткой рабочей силы, осложнялась конкуренцией со стороны японских промышленников. Положения договора 1875 г. и деятельность местной администрации позволили японским предпринимателям сохранять практически монопольную позицию в рыбной промышленности острова в течение последующих 30 лет. В течение этого времени совместное освоение рыбных богатств острова российскими и японскими рыбопромышленниками прошло ряд этапов.

Первый этап (1875–1882 гг.) – период «беспошлинного» японского рыбного промысла на ставшем полностью русским Сахалине. Договор 1875 г. и приложения к нему гарантировали сохранность имущества и свободу промыслов для лиц, остающихся на территории острова, давал право японским судам в течение 10 лет посещать порт Корсаков без уплаты портовых сборов и таможенных пошлин, предоставлял режим наибольшего благоприятствования японским рыбопромышленникам вдоль побережья Охотского моря и Камчатки. В число остающихся на острове постоянно проживающих рыбопромышленников вошли представители домов Датэ и Сухара. Они пожизненно освобождались от уплаты налогов, могли продолжать вести рыбный промысел, эти права распространялись и на их наследников. Несмотря на договорённости с российской стороной, право японцев на рыбный промысел на Сахалине было фактически аннулировано Колонизационным бюро, не выдававшим им, вопреки указаниям правительства, необходимые для оформления права на постоянное проживание на острове документы. Уполномоченный бюро на Сахалине Хасэбэ приказал всем японцам, проживавшим на Сахалине, эвакуироваться, а также вынудил японцев, занимавшихся рыбным промыслом, подать ему «заявления об отказе от ведения рыбного промысла» и обещать не приезжать на Сахалин даже на сезонный рыбный промысел» [23, с. 63–64]. В результате «оба дома – и Датэ, и Сухара, чьё имущество и рыбопромысловое оборудование оценивалось в 480 тыс. иен, вынуждены были без компенсации с российской стороны покинуть Сахалин, получив от Колонизационного бюро по 20 тыс. иен каждый» [23, с. 64]. Впрочем, вскоре по

указанию японского правительства написанные по требованию Колонизационного бюро «заявления об отказе от ведения рыбного промысла» были объявлены недействительными, и рыбопромышленники могли снова вести промысел на Сахалине. В 1876 г. на Сахалине вели промысел 13 японских промышленников, на 16 рыбалках насчитывалось 530 японских рыбаков, было выработано 3114 коку рыбопродукции на 20 784 иены [23, с. 64–65].

Российские же власти в этот период ошибочно полагали, что на основании Договора 1875 г. все японские промыслы на Сахалине на 10 лет освобождены от уплаты пошлины. На самом же деле эти льготы должны были относиться только к рыбопромышленникам, которые пожелали бы остаться на Сахалине на постоянное жительство, а таких на Сахалине в результате деятельности Колонизационного бюро не оказалось. Как и раньше, для изготовления рыбопродукции велась свободная заготовка древесины, выработанная продукция беспошлинно вывозилась в Японию, что способствовало получению больших прибылей.

В таких условиях начинается деятельность на острове первых русских предпринимателей. Беспрецедентная ситуация беспошлинного рыбного промысла была крайне выгодна японским предпринимателям, но, безусловно, тормозила развитие отечественной рыбной промышленности на острове. Так, подполковник Сабо в докладе начальнику Главного тюремного управления в июне 1883 г. отмечал, что в бытность его на Сахалине начальником Южно-Сахалинского округа он вынужден был решать проблему – «поддержать предприятие первого русского деятеля на Сахалине (Л.Я. Семёнова, начавшего в 1878 г. добычу морской капусты на Сахалине – Н.П.) и в то же время, ...не нарушить трактата, заключенного с Японцами, и вместе с тем не стеснить сих последних, как имеющих право, на основании того же трактата, беспошлинного производства лова рыбы...» [21, л. 34].

Второй этап (1882 – конец 1890-х гг.) связан с попытками упорядочения деятельности японских предпринимателей на острове. 20 ноября 1882 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор Баранов направил циркуляр администрации Сахалина, в котором подробно разъяснял положения статей Петербургского договора и обращал внимание на то, что беспошлинный лов рыбы могли вести только те японские промышленники, кто остался на постоянное жительство на Сахалине, а остальные должны были платить пошлины по 50 коп. с пуда и оформлять у начальника округа разрешения на промысел. За аренду земли под производственные помещения рыбалок также должна была взиматься пошлина в размере одного рубля в год с десятины [23, с. 66].

Японские рыбопромышленники, выступили против высоких экспортных пошлин, они объединились в «Ассоциацию сезонных рыбопромышленников на Сахалине» и обратились к своему правительству. В течение 1883–1884 гг. японская сторона через консула в Корсаковском посту Кудзэ, японскую миссию в Петербурге предлагали варианты урегулирования этого вопроса [21, л. 49, 89–91, 92–94]. У российской стороны в отношении дипломатического «натиска» японцев существовало две точки зрения. Генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин занял отрицательную позицию, отмечая, что «японцы уже десятый год хищнически истребляют нашу рыбу в ущерб ссыльнокаторжных поселений и местного полудикаго населения...» [21, л. 95]. Посланник же Российской миссии в Токио А.П. Давыдов указывал, что «50-копеечная пошлина чрезмерна и что никакие арендаторы рыбных промыслов не будут в состоянии уплачивать её...» [21, л. 148–150]. В итоге дискуссии в 1886 г. были приняты «Временные правила для производства морского рыбного промысла»: на Сахалине и в Приморской области размер экспортной пошлины был снижен до 5 копеек за пуд продукции. Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф писал: «При разрешении Японцам рыбного лова на означенном острове следует иметь в виду главным образом выгоды коренного населения – Гольдов, Гиляков и Айнов... затем доход казны от пошлины с рыбы и менее всего выгоды Японцев...» [21, л. 160–161]. Японским рыбопромышленникам было разрешено вести рыбный промысел в соответствии с новыми правилами с 1886 г. в течение четырёх лет.

На Сахалине в Корсаковском посту и в Сисука (Поронайске), а также в Хакодате были открыты конторы «Ассоциации сезонных рыбопромышленников на Сахалине». Для японских рыбаков на Сахалине консулом Кудзэ в 1886 г. были разработаны «Правила для сезонных рыбаков на Сахалине». Согласно «Правилам» перед началом промысла японские рыболовные суда должны были зайти в Корсаков, заплатить установленные пошлины и сборы, после чего получить от начальника Корсаковского порта лицензию на промысел. По прибытии на рыболовный участок рыбопромышленник был обязан предоставить свою лицензию на промысел ближайшему представителю российских военных властей, а по окончании промысла вернуть её через японского консула начальнику Корсаковского порта [23, с. 68].

В 1889 г. были опубликованы «Временные правила для производства морского рыбного промысла в прибрежных водах Сахалина» на следующие четыре года. Повышалась пошлина для иностранных предпринимателей: за солёную, сушёную рыбу, сушёную ламинарию и икорную продукцию они за пуд экспортируемой продукции должны были выплачивать пошлину в размере 7 копеек за пуд (российские – 5 копеек), за жир сельди и трески – соответственно, 16 (10) копеек и за солёное китовое мясо – 5 (3). Сахалинские промыслы оставались весьма прибыльными для японских предпринимателей в последующие годы, расходы, связанные с увеличением пошлин, они компенсировали увеличением объёмов добываемой на Сахалине рыбной продукции. Так, за 1886–1890 гг. ими было добыто 15 479 т рыбы, за 1891–1895 гг. – 19 803 т [15, с. 156]. Кроме того, производство тука было способом ухода от пошлин за вылов сахалинской рыбы. Н.В. Кириллов писал, что «интерес японцев готовить тук состоит в экономии места и веса при транспортировке... Для наших государственных интересов должно быть всё равно, какое употребление сделают из добытой рыбы; пусть даже её в вакуум-аппарате в порошок обращают перед вывозом, – пошлина должна взиматься рассчитывая с пуда свежей рыбы...» [11, с. 16].

Основным районом промысла был залив Терпения. В 1880-е гг. японцы арендовали здесь до 200 рыболовных участков, на которые завозили 3–4 тыс. сезонных работников. В 1890-е гг. японцы занимали более 400 участков [29, с. 34]. Практики добычи рыбы по-прежнему носили хищнический характер, перегораживая устья нерестовых рек, японские рыбопромышленники истощали рыбные богатства острова. Наряду с добычей рыбы увеличивалась добыча морепродуктов – морской капусты, трепангов и т.п. В 1898 г. сахалинский губернатор М.Н. Ляпунов с озабоченностью сообщал, что экономическая экспансия японских рыбопромышленников вылилась в «занятие, хотя бы и мирное, нашей территории иностранцами, принадлежащими к нации, явно к нам недоброжелательной». Это грозило истощением рыбных запасов и лишало коренное население и часть русских хозяйств «единственных источников существования» [12, с. 118].

Третий этап (конец 1890-х гг. – 1904 г.) – «протекционистский». Дальневосточная администрация в этот период делала попытки ограничить фактическую монополию японцев на рыбные богатства Сахалина, взяв курс на постепенное вытеснение японских рыбопромышленников из русских территориальных вод. В 1899–1900 гг. было запрещено иностранцам ловить рыбу в районе Амура, заведование рыболовными промыслами по сахалинскому берегу было передано в руки Приамурского управления государственных имуществ, в целях поощрения отечественного крупного капитала и создания более благоприятных условий для коренного населения острова значительная часть промысловых участков, преимущественно японских, была закрыта (общее их число сократилось с 400 до 224, из них 94 было отдано русским предпринимателям, а 130 – японским) [18, с. 83]. Южный Сахалин был единственным районом российского Дальнего Востока, где японцам разрешался лов рыбы. В результате принятия заградительных мер возрос казённый доход от промыслов, добыча рыбы и роль отечественных предпринимателей в эксплуатации рыбных богатств Дальнего Востока. В ответ на это японский парламент в 1899 г. принял закон, уполномочивающий правительство,

когда оно считало нужным, вводить на сахалинские рыбные продукты ввозную пошлину в 65 % [3, с. 232]. 29 ноября 1901 г. были изданы «Временные правила для производства морского рыболовного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства», которые устанавливали приоритет российских подданных в ведении рыбных промыслов и ограничивали масштабы японского рыболовства на российском Дальнем Востоке в целом и на Южном Сахалине, в частности. Новые правила допускали сдачу иностранцам рыболовных участков в краткосрочную аренду только с торгов, тогда как ранее участки арендовались ими с ведома сахалинской администрации [15, с. 158–159]. В случае нарушения правил лова иностранцы от промысла отстранялись. Крупным русским рыбопромышленником – фирме «Семёнов, Демби и К», Г.А. Крамаренко – правительство предоставило в аренду на 10 и 11 лет часть рыболовных участков, до этого эксплуатировавшихся японцами. В целом из 269 арендуемых японцами участков 145 было закрыто под предлогом «истощения рыбных ресурсов» [23, с. 73].

15 марта 1902 г. японский парламент в ответ на ограничительные меры российского правительства принял закон «О японских подданных, занимающихся рыбопромышленностью в иностранных водах», суть которого сводилась к объединению всех японских рыбопромышленников, действовавших на Сахалине [15, с. 158–160]. В парламенте также обсуждался законопроект о повышении до 65 % пошлин на ввозимую рыбопродукцию [1, с. 119]. 2 апреля 1902 г. в г. Хакодате образовалось «Товарищество морских промыслов в водах о. Сахалина», монополизировавшее эксплуатацию его морских богатств. Устав товарищества ставил русских промышленников, вынужденных приобретать в Хакодате орудия лова, снасти, нанимавших японских рабочих, фрахтовавших там суда в прямую зависимость от японских предпринимателей. Обострение отношений с Японией в связи с вопросом о рыбных промыслах Сахалина побуждало власти ограничивать реализацию закона от 29 ноября 1901 г. К 1903 г. из 224 рыболовных участков на Южном Сахалине 155 принадлежали японцам, 60 (в 1901 – 81) русским, 9 пустовали [1, с. 120; 3, с. 9; 18, с. 85]. Японские рыбопромышленники также через подставных лиц контролировали часть участков, формально принадлежащих российским подданным. Японские рыбопромышленники требовали от своего правительства защиты своих экономических интересов; под их давлением японское правительство предложило заключить двустороннее рыболовное соглашение, переговоры по которому были прерваны русско-японской войной. В течение 1904–1905 гг. промысел на Сахалине не вёлся [23, с. 74].

В целом период с 1875 г. по 1904 г. стал временем усиления японских рыбопромышленников в рыбной отрасли Сахалина, объём рыбопродукции, вывозимой в Японию, неуклонно увеличивался и в 1903 г. достиг рекордного за всю историю рыбного промысла на острове уровня – 113 942 коку, что составляло 1 млн 192 тыс. 404 иены [23, с.75].

Российское предпринимательство на Сахалине 1875–1904 гг.

Быстрое развитие российской рыбной промышленности на Дальнем Востоке России началось в 1880-е гг. Первая попытка создания русских рыбных промыслов на Сахалине связана с деятельностью полковника Ф.М. Депрерадовича, который в 1876 г. обратился к министру государственных имуществ П.А. Валуеву с предложением образовать «товарищество на вере» по развитию морских промыслов под контролем правительства. Депрерадович сам намеревался вложить средство в это дело и подал заявку на отвод нескольких рыболовных участков [12, с. 119]. Однако вскоре он уехал с Сахалина, и его планы оказались неосуществлёнными.

Купец из Владивостока Яков Лазаревич Семёнов положил начало русским морским промыслам на Сахалине. Он стал первым предпринимателем, рискнувшим преодолеть монополию японцев в рыбной промышленности на Дальнем Востоке. Он начал промысел морской капусты недалеко от Владивостока в 1864 г. [27, с. 341] Семёнов говорил по-китайски, знал

специфику выращивания морской капусты, разбирался в условиях потребительского рынка Китая [7, с. 620–632]. В 1878 г. Семёнов получил от Генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фредерикса право на пятилетнюю аренду рыболовных участков на юго-западном побережье и наладил промысел морской капусты в районе айнского селения Маука на юго-западном побережье Сахалина, здесь и разместилась главная фактория его фирмы. Компания начинала с 4 промыслов, к концу века компания имела 20 участков [27, с. 134; 12; с. 119]. Управлял промыслами шотландец Георгий Филиппович Демби, ставший компаньоном Семёнова. В 1879 г. они создали компанию «Семёнов, Дэмби и К». Почти всю капусту, которую добывала, компания поставляла в Китай, в 1880-х гг. в Китай отправлялось до 100 тыс. пудов в год, что приносило партнёрам доход до 60 тыс. в год [10, с. 43]. В 1890-е гг. ежегодный улов рыбы на промыслах Семёнова достиг 1 200 тыс. пудов [19, с. 101]. С 1886 г. компания начала добычу и переработку рыбы на Сахалине.

Доля рыбы в общем объёме его промысла возрастала. В 1889 г. компания вывезла с Сахалина 141,7 тыс. пудов морской капусты, 41,15 тыс. пудов сельдяного тука, 8,5 тыс. пудов кеты, к середине 1890-х гг. улов рыбы был доведён до 120 тыс. пудов. Тогда же было налажено производство тука на месте лова. В середине 1890-х гг. компания Семёнова стала ежегодно вывозить в Японию до 120–150 тыс. пудов сельдяного тука (это составляло около 1/2–1/3 от общего вывоза тука) на сумму 105 тыс. руб., 10–15 тыс. пудов лосося сухого посола и 2–4 тыс. пудов сухой трески [1, с. 120], в 1898 г. было вывезено 50 тыс. пудов капусты и 450 тыс. пудов рыбы [23, с. 70].

В 1899 г. Семёнов открыл в Хакодате своё представительство, целью которого была не только реализация продукции на японском рынке, но и найм японских рыбаков, закупка необходимого для путины промыслового оборудования и материалов. В начале XX в. Семёнов ежегодно нанимал по 1500–1600 человек, из них японцев – 350, русских – 40, айнов – 1000 (вместе со стариками и детьми), корейцев – 50, китайцев – 30 человек. С 1890 г. компания в соответствии с «Временными правилами» была обязана нанимать на работу русских ссыльнопоселенцев [23, с. 70]. В 1903 г. фирма эксплуатировала на Сахалине на правах 10-летней аренды 23 рыболовных участка, на которых трудилось 997 рыбаков и рабочих, общий объём продукции составил 371 тыс. пудов на сумму 500 тыс. иен [12, с. 120]. Основная часть продукции шла на экспорт – в Китай и Японию. Главным партнёром фирмы на японском рынке была крупная корпорация «Мицуи буссан». Компания Семёнова являлась крупнейшей и передовой как среди отечественных, так и японских фирм [1, с. 120]. Историки А.И. Алексеев и Б.Н. Морозов называют Я.Л. Семёнова одним из «организованных» предпринимателей, действовавших на Южном Сахалине [1, с. 78]. Впрочем, в 1896 г. Н.В. Слюнин, понимавший под «организованным» рыбным промыслом научные методы его ведения, писал, что на Дальнем Востоке России, в том числе на Сахалине, «никакого организованного рыбного промысла нет, а есть только несметные рыбные богатства, которые или не эксплуатируются нами, или расхищаются иностранцами – часто с разрешения, а больше – без всякого разрешения со стороны русского правительства...» [22, с. 63]. Тем не менее для ряда известных рыбопромышленников стартовой площадкой на Сахалине стала работа в компании Я.Л. Семёнова.

Шотландец Георгий Филиппович Демби (до принятия русского подданства – Георг Филипп Демби) [25, с. 72] родился в Лондоне, позднее осел во Владивостоке и решил заняться добычей морепродуктов. По поручению Я.Л. Семёнова он занялся организацией на Сахалине промысла морской капусты, а затем – и добычи рыбы, стал его компаньоном. «Я пробыл на Сахалине около восьми лет, – писал Демби, – прежде чем дело приняло значительные размеры, так как первоначально пришлось преодолевать многочисленные препятствия... Первое время пробовал заниматься рыбным промыслом и готовить тук, но г. Семёнов не хотел принимать никакого участия в этой отрасли предприятия и отказался затрачивать на неё ка-

кой-либо капитал до тех пор, пока путём настойчивого труда мне не удалось доказать ему на деле, что этот промысел может быть в высшей степени выгоден. Первоначально я занимался ловлею трески и, выезжая в море при всякой погоде в небольшой лодке с мальчиком-айном, нередко успевал наловить в день 500–600 крупных рыбин. Вскоре мне удалось побудить и айнов также заняться этим промыслом. Треску затем выменивал у них на табак, материю и рис, таким образом мне удалось наловить и насушить полный груз трески, проданный в Японии за 4000 иен. В то же время дело добычи морской капусты шло своим чередом и нами отправлялось уже около 100 000 пудов в год» [25, с. 72–73].

Деловая сметка и инициатива Г.Ф. Демби приносили большую пользу компании Семёнова. Современники отмечали, что он «не являлся эксплуататором, высасывающим соки из зависящих от него русских промышленников: получая выговоренный, достаточно большой, но вполне оправданный значительным риском процент..., он не запутывал и не закабалял своих клиентов, как это, несомненно, сделал бы при подобных условиях русский кулак-капиталист, а давал им полную возможность при достаточной энергии встать на собственные ноги освободиться от полной зависимости» [25, с. 73].

Хрисанф Платонович Бирич – офицер, сосланный в 1884 г. на Сахалин на 3 года, начал работать в компании Семёнова на промысле морской капусты в 1886 г., впоследствии он стал старостой на промысле, приказчиком [9, с. 99; 14, с. 19–20], подружился с Демби. К 1890 г. он уже самостоятельно владел промыслом в Кусунае. В 1890 г. А.П. Чехов отмечал, что «некий Бирич, поселенец, бывший учителем и приказчиком у Семёнова, взявши займы денег, построил всё необходимое для промысла близ Кусунная (нынешний Ильинский) и стал приглашать к себе поселенцев. Работает у него теперь около 30 человек. Дело ведётся неофициально, нет тут даже надзирателя [26, с. 141]. В 1893 г. у него было занято 88 рабочих. Добыча исчислялась в 13 тыс. пудов капусты и 4 тыс. пудов горбуши; тука приготавливалось более 10 тыс. пудов [17, с. 109–110]. К 1901 г. Бирич переселился в Уссуро (нынешний Орлово) – место богатое сельдью, где он начал её лов. [14, с. 20]. В 1902 г. он управлял одиннадцатью участками, принадлежавшими компании Семёнова. Рыбной ловлей и приготовлением из сельди тука для последующей продажи на японском рынке на этих участках было занято 450 (по другим данным более 800) рабочих [14, с. 21]. К началу русско-японской войны Бирич стал широко известен как богатый рыбопромышленник.

В конце 1890-х гг. крупным был также рыбный промысел морского офицера в отставке, предпринимателя Григория Ивановича Зотова, располагающийся в трёх верстах на север от мыса Тамлево на северо-западном побережье острова. Пристань на промысле имела длину 265 м, перевозка рыбы с рыбалки на пристань производилась по рельсам на вагонетках. Продавая в 1902 г. участок, Зотов получил за постройки 20 тыс. руб. Предприятие Зотова считалось лучшим не только на Сахалине, но и во всё Николаевском районе [6, с. 61].

Одним из пионеров селядяного промысла на острове современники называли Григория Амосовича Крамаренко, уроженца Астрахани, назначенного старшим надсмотрщиком за промыслами о. Сахалин, открывшего добычу сельди в 1896 г. [5, с. 78]. В 1901 г. он получил в аренду сроком на 11 лет четыре рыбалки в заливе Терпения и восемь рыбалок в заливе Анива; причём в течение первых 6 лет он освобождался от выплаты пошлин [23, с. 73].

В начале 1900-х гг. солидное дело на сахалинских промыслах вели фирмы Надецкого (более 450 рабочих) и Румарчука (15 участков долгосрочной аренды), в меньшей степени – промышленники Суконнов, Ларионов, Плетнев, Савельев, Борисов [3, с. 11; 6, с. 61].

В 1900 г. аборигенному населению впервые были отведены рыболовные угодья. Это стимулировало вовлечение айнов Южного Сахалина в торгово-промысловые отношения. В 1901–1903 гг. они приобрели снастей (кунгасов, неводов, котлов для варки тука и т.п.) на 5 тыс. рублей. Продукция их промысла в этот период составляла 48 тыс. пудов тука и 15 тыс. пудов горбуши. Выделилась группа имущих семей («нисьпа»), у которых имелись наёмные

работники из числа неимущих сородичей, а также японцев и русских поселенцев. Б.О. Пилсудский называл четырёх айнов – Богунка, Монитахно, Коська и Чисьби, ведущих вполне «капиталистическое хозяйство, являясь арендаторами промыслов» [20, с. 78]

К концу 1890-х гг. в общем количестве добытой на Сахалине рыбы доля, добытая русскими рыбопромышленниками, неуклонно повышалась: в 1898 г. добыча составила 257 692 пуда (японцами – 459 641 пуд), в 1899 г. – 322 078 пудов (японцы – 746 118 пудов), в 1900 г. – 633 084 (японцы – 639 092 пуда). В 1902 г. общий объём продукции, произведённый российскими рыбопромышленниками, составил 565 175 пудов (в том числе 475 698 пудов (84 %) – сельдяной тук, поставлявшийся в Японию), на 55 рыбалках было занято 1929 японских рабочих [23, с.73]

На Сахалине во времена каторги так и не был налажен промышленный посол сельди. Большая часть сельди перерабатывалась на удобрительный тук. Н.В. Кириллов считал, что производство тука на Южном Сахалине «разорительно, свидетельствует о несостоятельности метода утилизации рыбных богатств...» [11, с. 15]. Такое отношение к сельди обуславливалась огромным спросом на это удобрение на японском рынке, а также тем, что в другом виде продать сахалинскую сельдь в то время было сложно. Незаинтересованность русских предпринимателей в лове сельди для засолки объяснялась слабым развитием судоходства, дороговизной фрахта, неразвитостью транспортной инфраструктуры, высокой стоимостью доставки этого продукта, которые делали сахалинскую сельдь неконкурентноспособной на российском и на внешнем рынках. Рыбопромышленники Сахалина выражали готовность поставить любое количество этого товара (лучшего качества) в Европейскую Россию по цене 6 руб. 50 коп. – 7 руб. за пуд при условии, если фрахт от Сахалина до рынка не превысит 80 коп. с пуда. Царское правительство предпочитало ввозить сельдь из-за границы, выплачивая ежегодно на эти цели 7 млн. руб – сумму, превышающую доход в начале 1900-х гг. всей рыбопромышленности Дальнего Востока [3, с. 15]. А население Сахалина также покупало в лавках сельдь, привезённую с Азовского и Каспийского морей [29, с. 36].

Роль российских рыбопромышленников в отрасли к началу XX в. увеличивается. Если в 1880 г. здесь вели добычу 25 японцев и только 1 россиянин (Я.Л. Семёнов), то к 1900 г. число представителей отечественного предпринимательства возросло до 18 (японцев стало 38). В 1895 г. с Сахалина в Японию всего (японцами и русскими) было экспортировано продукции рыбной промышленности на 500 тыс. долларов, из них на Хакодате приходилось 294 тыс. 362 доллара (около 60 %), а остальная часть – на Отару, Ниигату и другие порты побережья Японского моря [23, с. 70]. В 1898 г. на Сахалине было добыто 3,35 млн пудов рыбы на сумму в миллион рублей. На долю русских промыслов приходилось 832 тыс. пудов, или около 25 % улова [12, с. 120]. Однако с конца XIX в. большая часть русских владельцев промысловых участков так или иначе зависела от японцев: японские кредиты, совместная эксплуатация участков или сдача в аренду японцам участков, оформленных на себя. Как заметил по этому поводу П.Ю. Шмидт, «...русские участки являются таковыми только по имени и в силу того, что хозяин – арендатор русский, – всё же остальное: рабочие, лодки, способы лова и приготовления рыбы, все предметы обихода, до последнего гвоздя и верёвки, – всё японское и привозится из Хакодате. В Японию же отправляются и все добытые на Сахалине продукты, так как Япония является единственным возможным рынком сбыта для них» [28, с. 157].

После того, как на рубеже веков число японских промысловых участков на Сахалине было сокращено [18, с. 83], распространилось новое явление – «фиктивные промыслы» – японские рыбопромышленники через подставных лиц – русских арендаторов – фактически контролировали большую часть рыболовных участков. В 1900–1901 гг. в Корсаковском округе арендовали по 1–3 участка И. Пузынин, М. Серебrenицкий, М. Арцишевская, Г. Полговский, В. Вересова, И. Федоров, Т. Паклина и другие «предприниматели» из числа подставных лиц. Плату за участок японцы вносили не в казну, а русскому «арендатору». Так, японец Фурука-

ва платил Г.А. Крамаренко за сдачу двух участков 1 тыс. руб. и делил с ним половину дохода от реализации улова [12, с. 119]. Количество участков, оформленных японцами на российских подданных, составляло в 1901 г. – 56, в 1902 г. – 70, в 1903 г. – 78 [23, с. 74].

Общая характеристика состояния рыбной отрасли Сахалина к началу XX в.

Сахалинский рыбный промысел (и российский, и японский) к началу XX в. территориально делился на 5 районов: Северо-Западный район (от мыса Елизаветы до пролива Невельского) был сосредоточен главным образом в Амурском лимане; Юго-Западный район распространялся на воды от пролива Невельского до мыса Крильон; залив Анива; Юго-Восточный район (от мыса Терпения до мыса Анива); Северо-Восточный (район распространялся на оставшуюся часть острова, в основном вблизи Ныйского залива), табл. 1.

Таблица 1
Промыслы в основных рыбодобывающих районах Сахалина в 1898 г.

Table 1

Fisheries in the main fishing areas of Sakhalin in 1898

Район	Число участков	Добыто, тыс. пудов	Продано, тыс. пудов	Стоимость проданной продукции, тыс. руб.	Доход казны, руб.
Северо-Западный	—	350	200	250	13 500
Юго-Западный	126	650	250	300	18 457
Залив Анива	93	830	220	300	14 034
Юго-Восточный	214	1 800	420	460	29 604
Северо-Восточный	11	70	35	40	2 474
Итого	444	3 700	1125	1280	78069

Примечание. Таблица приводится по данным: Алексеев А.И. Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. С. 118.

Самыми крупными районами лова и главными районами промысла японских рыбопромышленников были залив Анива, юго-западное и юго-восточное побережье Сахалина. В целом на продажу шло от 23 до 60 % пойманной рыбы. Значительная часть рыбы шла на удовлетворение нужд местного населения. В стоимостном отношении по подсчётам исследователей, рыбы добывалось на Сахалине примерно на 4 млн руб. в год. Большая часть рыбы, поставляемой на рынок, добывалась на Южном Сахалине. Вывоз рыбы стабильно увеличивавшийся, возрос с 1889 по 1902 г. более чем в 5 раз. Доход казны вырос более чем в 4 раза, табл. 2.

Таблица 2
Рыбный промысел у берегов Сахалина в 1889–1902 гг.

Table 2

Fishing off the coast of Sakhalin in 1889–1902

Год	Пошлина на вывезенную рыбу, руб.	Вывезено рыбных продуктов, пудов			
		С Южного Сахалина	С Северного Сахалина	Всего	% к предшествующему году
1	2	3	4	5	6
1889	15 428	240 000		240 000	
1890	15 734	245 000		245 000	2,08

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
1891	19 543	305 000		305 000	24,5
1892	19 731	310 000		310 000	1,6
1893	20 819	330 000		330 000	6,45
1894	32 222	510 000		510 000	54,55
1895	29 992	475 000		475 000	- 7
1896	39 477	645 338	38 612	683 950	15
1897	49 616	734 344	50 359	784 703	17
1898	59 938	916 252		916 252	14
1900	62 286	1 300 000		1 300 000	30,2
1901	56 440	Нет данных		Нет данных	
1902	-	1 300 000		1 300 000	-

Примечание. Таблица составлена по данным: Богданов Д. Наши богатства. Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1910. С. 5; Обзор о. Сахалина за 1900 и 1901 гг. Александровск-на-Сахалине, 1902. С. 86; Алексеев К.А. Наша торговая политика на Дальнем Востоке. СПб, 1905. С. 8; Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. С. 118.

На рубеже XIX–XX вв., несмотря на активное развитие рыбных промыслов на острове, он был слабо включен в общероссийский рынок как поставщик рыбы и морепродуктов. И связано это было не только с засильем японского капитала, вывозившего продукцию сахалинских промыслов в Японию, но и с тем, что российская рыбопромышленность здесь развивалась как японоориентированная. Сложная ситуация отдалённости и островного положения для российского бизнеса здесь усугублялась отсутствием протекционистских мер при одновременной льготной политике по отношению к японскому предпринимательству на острове, конкуренцией со стороны японских промышленников, нехваткой рабочих рук, отсутствием возможностей для транспортировки продукции в Россию, недостатком средств у русских предпринимателей, приводившими к зависимости рыбной отрасли Сахалина от японского рынка. В исследуемый период на каторжном Сахалине не было условий для развития свободного отечественного предпринимательства. В условиях резкой конкурентной борьбы и мощного давления со стороны японского капитала здесь могли закрепиться только крупные отечественные предприниматели, другие или разорялись, или попадали в зависимость от японских промышленников. Принятие некоторых мер протекционистского характера в конце периода не привело к кардинальному изменению ситуации: японская рыбная промышленность продолжала активную эксплуатацию рыбных ресурсов острова, русские рыбопромышленники к началу XX в. стали играть большую роль, но не смогли потеснить японцев, они оказались почти полностью включенными в динамично растущий японский рынок, выполняя компрадорскую роль.

Список источников

1. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989.
2. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982.
3. Алексеев К.А. Наша торговая политика на Дальнем Востоке. СПб., 1905.
4. Богданов Д. Наши богатства. Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1910.

5. Борисов В.И. Семья Крамаренко на Камчатке // Вопрос истории рыбной промышленности Камчатки : сб. трудов. Петропавловск-Камчатской, 2000. Вып. 10(2). С. 78–90.
6. Бражников В.К. Рыбные промыслы Дальнего Востока. СПб., 1904.
7. Высоков М.С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск, 2010.
8. Депрерадович Ф.М. Этнографический очерк Южного Сахалина // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1876. Т. X. С. 1–67.
9. Дорошевич В.М. Сахалин. М, 1996.
10. Каминага Э. Сахалинская морская капуста и купец Л.Я. Семёнов: из истории международной торговли морской капустой в северо-восточной Азии (конец 19-середина 20 в.) // Сахалинская область: история, современность, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск) / сост. А.С. Ломов. Южно-Сахалинск, 2012. С. 42–47.
11. Кириллов Н.В. Морские промыслы Южного Сахалина // Отчет Общества изучения Амурского края за 1898 г. Владивосток, 1899. С. 10–16.
12. Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991.
13. Крамаренко Г.А. О рыбном промысле на р. Амур и о. Сахалин // Вестник рыбопромышленности. 1898. № 10. С. 473–475.
14. Курата Ю. Из жизни Хрисанфа Платоновича Бирича (1857–1923 гг.): сахалинская ссылка во время русско-японской войны // Россия и островной мир Тихого океана. Южно-Сахалинск, 2009. Вып. 1. С. 19–26.
15. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994.
16. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока, 50-е гг. XVII в. – 30-е гг. XX в. : дис. ... доктора ист. наук. Владивосток, 1998.
17. Морские промыслы на побережье Корсаковского округа // Тюремный вестник. 1895. № 2. С. 109–110.
18. Обзор о. Сахалина за 1900 и 1901 гг. Александровск-на-Сахалине, 1902.
19. Отчет приамурского генерал-губернатора за 1893, 1894 гг. СПб, 1895.
20. Пилсудский Б.О. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалине // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток, 1907. Т. 10. С. 89–157.
21. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 54.
22. Слюнин Н.В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб., 1896.
23. Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии // Краеведческий бюллетень. 2004. № 4. С. 3–84.
24. Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003.
25. Хисамутдинов А.А. Поиски следов Г.Ф. Денби и его детей // Краеведческий бюллетень. 1996. № 3. С. 71–80.
26. Чехов А.П. Остров Сахалин. (Из путевых записок). Владивосток ; Южно-Сахалинск, 2010.
27. Шмидт П.Ю. Морские промыслы острова Сахалина: отчёт министру земледелий и государственных имуществ о научно-промысловых результатах Корейско-сахалинской экспедиции Императорского русского географического общества 1900–1901 гг. СПб., 1905.
28. Шмидт П.Ю. Остров Сахалин // Русское богатство. СПб., 1905. № 4. С. 156–158.
29. Экономика Сахалина : учеб. пособие для вузов / под ред. Бок Зи Коу, М.С. Высокова. Южно-Сахалинск, 2003.

References

1. Alekseev A.I., Morozov B.N. The development of the Russian Far East (the end of the XIX century – 1917). M., 1989.
2. Alekseev A.I. The development of the Russian people of the Far East and Russian America (until the end of the XIX century). Moscow, 1982.
3. Alekseev K.A. Our trade policy on The Far East. St. Petersburg, 1905.
4. Bogdanov D. Our riches. Crafts of the Primorsky region, Kamchatka and Sakhalin. Vladivostok, 1910.
5. Borisov V.I. Kramarenko's family in Kamchatka // Question of the history of the fishing industry of Kamchatka. Collection of works. Issue 10(2). Petropavlovsk-Kamchatsky, 2000. P. 78–90.
6. Brazhnikov V.K. Fisheries of the Far East. St. Petersburg, 1904.
7. Vysokov M.S. Commentary on the book by A.P. Chekhov "Sakhalin Island". Vladivostok ; Yuzhno-Sakhalinsk, 2010.
8. Depreradovich F.M. Ethnographic essay of Southern Sakhalin // Collection of historical and statistical information about Siberia and its neighboring countries. St. Petersburg, 1876. T. X. P. 1–67.
9. Doroshevich V.M. Sakhalin. M., 1996.
10. Kaminaga E. Sakhalinsk sea cabbage and merchant L.Ya. Semenov: from the history of international trade in sea cabbage in Northeast Asia (late 19th-mid 20th century) // Sakhalin region: history, modernity, prospects: materials of the international scientific and practical conference (October 17-18, 2012, Yuzhno-Sakhalinsk) / comp. A.S. Lomov. Yuzhno-Sakhalinsk, 2012. P. 42–47.
11. Kirillov N.V. Marine crafts of Southern Sakhalin // Report of the Amur Region Study Society for 1898 Vladivostok, 1899. P. 10–16.
12. Kostanov A.I. Development of Sakhalin by Russian people. Yuzhno-Sakhalinsk, 1991.
13. Kramarenko G.A. About fishing on the Amur River and O. Sakhalin // Bulletin of the fishing industry. 1898. No. 10. P. 473–475.
14. Kurata Yu. From the life of Chrysanf Platonovich Birich (1857-1923): Sakhalin exile during the Russian-Japanese War // Russia and the island world of the Pacific Ocean. Yuzhno-Sakhalinsk, 2009. Issue 1. P. 19–26.
15. Mandrik A.T. History of the fishing industry of the Russian Far East. Vladivostok, 1994.
16. Mandrik A.T. The history of the fishing industry of the Russian Far East, the 50s of the XVII-30s of the XX century : dis. ... Doctor of Historical Sciences. Vladivostok, 1998.
17. Marine crafts on the coast of the Korsakov district // Prison Bulletin. 1895. No. 2. P. 109–110.
18. Overview of fr. Sakhalin for 1900 and 1901. Alexandrovsk-on-Sakhalin, 1902.
19. Report of the Amur Governor-General for 1893, 1894. St. Petersburg, 1895.
20. Pilsudsky B.O. A brief outline of the economic life of the Ainu on Sakhalin Island // Notes of the Society for the Study of the Amur Region. Vladivostok, 1907. Vol. 10. P. 89–157.
21. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). F. 701. Op. 1. D. 54.
22. Slyunin N.V. Fishing riches of Kamchatka, Sakhalin and the Commander Islands. St. Petersburg, 1896.
23. Trekhsvyatsky A.V. Sakhalin in the system of Russian-Japanese relations in the XIX century // Local history Bulletin. 2004. No. 4. P. 3–84.
24. Trekhsvyatsky A.V. Sakhalin in the system of Russian-Japanese relations in the XIX century : dis. ... Candidate of Historical Sciences. Vladivostok, 2003.
25. Khisamutdinov A.A. The search for traces of G.F. Denby and his children // Local History Bulletin. 1996. No. 3. P. 71–80.
26. Chekhov A.P. Sakhalin Island. (From travel notes). Vladivostok ; Yuzhno-Sakhalinsk, 2010.

27. Schmidt P.Y. Marine fisheries of Sakhalin Island: report to the Minister of Agriculture and State Property on the scientific and commercial results of the Korean-Sakhalin expedition of the Imperial Russian Geographical Society 1900–1901. St. Petersburg, 1905.

28. Schmidt P.Yu. Sakhalin Island // Russian wealth. St. Petersburg, 1905. No. 4. P. 156–158.

29. Sakhalin Economy: a textbook for universities / ed. Bok Zi Kou, M.S. Vysokova. Yuzhno-Sakhalinsk, 2003.

Информация об авторе

Н.В. Потапова – профессор, доктор исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории.

Information about the author

N.V. Potapova – Professor, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Universal History.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023, одобрена после рецензирования 20.06.2023, принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 10.06.2023, approved after reviewing 20.06.2023, accepted for publication 30.06.2023.